

Ибрагимов Муса Муслиевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии и социологии
Грозненского государственного
нефтяного технического университета

**РЕЖИМ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ
И НЕПРАВОМЕРНОЕ
УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
ДЕПОРТИРОВАННЫХ ЧЕЧЕНЦЕВ**

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению административного режима спецпоселения, введенного властными структурами в местах проживания депортированных лиц, а также случаев их неправомерного уголовного преследования. На основе архивных материалов анализируется практика карательной деятельности правоохранительных сил в отношении людей, бесосновательно обвиненных в нарушении закона.

Ключевые слова:

политические репрессии, депортация, режим спецпоселения, трудовая деятельность, паразитический образ жизни, побеги, суд, Особое совещание.

Ibragimov Musa Muslievich

D.Phil. in History, Professor,
Head of Political and Social Sciences Department,
Grozny State Technical University of Oil

**THE SPECIAL SETTLEMENT REGIME
AND ILLEGITIMATE CRIMINAL
PROSECUTION OF
DEPORTED CHECHENS**

Summary:

This paper deals with the administrative regime of special settlement imposed by Soviet power structures in the places of residence of deportees and cases of their illegitimate criminal prosecution. Based on archival materials, the author analyzes the punitive practices executed by Soviet law enforcement agencies against people who were wrongly accused of breaking the law.

Keywords:

political repressions, deportation, special settlement regime, working practices, "parasitic way of life", escapes from GULAG, courts, Special Court Hearings.

Прошло уже 70 лет с момента насильственного переселения чеченцев и ингушей с их исторической родины в Казахстан и Киргизию. Но в памяти народа эта дата до сих пор представляется как одна из самых трагических страниц в его многовековой истории.

Проблема политических репрессий, и в частности массовых депортаций, довольно широко обсуждается историками, юристами, политологами, однако многие ее проявления остаются до сих пор недостаточно изученными. К таковой относится и проблема повседневной жизни спецпереселенцев в условиях ее жесткой регламентации.

7 февраля 1944 г., еще за несколько дней до выселения чеченцев и ингушей, Л. Берия подписал приказ о введении в действие Положения о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД с указанием прав и обязанностей спецпереселенцев. В документе сообщалось о наложении серьезных ограничений на свободу передвижения. Спецпереселенцам и их семьям запрещалось без разрешения спецкомендатур НКВД отлучаться за пределы территории своего сельсовета, за исключением случаев, когда это связано с посещением установленных для них мест работы. Налагался запрет на выезд или уход за пределы административного района расселения в городах, для чего в паспортах спецпереселенцев делалась отметка «Действителен для проживания только в таком-то городе или районе». Самовольное оставление мест расселения должно было караться в уголовном порядке как за совершенный побег, если самовольная отлучка превышала одни сутки, в соответствии с существующими законами.

В положении говорилось о том, что спецпереселенцы обязаны заниматься «общественно полезным трудом в колхозах или по найму в совхозах и других государственных и кооперативных организациях в пределах районов расселения». За нарушение трудовой дисциплины они наравне с остальным населением страны могли привлекаться к административной и уголовной ответственности в соответствии с Указами ПВС СССР от 26 июня 1940 г. (запрет на самовольный уход с работы) и от 26 декабря 1942 г. (об уголовной ответственности за это) [1, с. 203–206].

Как отмечается во многих документах, исходивших от органов, контролировавших спецпереселенцев, чеченцы к труду относились добросовестно, но малейшие конфликты с начальством, комендантом, участковым инспектором были чреваты уголовным преследованием, в том числе и по вышеназванным статьям, предусматривающим наказание до восьми лет лишения свободы.

Весьма показательным в этом отношении уголовное дело по обвинению Джанхотова Джамбура Джамбраиловича, уроженца с. Урус-Мартан, проживавшего в Талды-Курганской области, который постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 20 февраля 1952 г. за уклонение

от работы в местах обязательного поселения по ст. 82 ч. 2 УК РСФСР был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет. В своей жалобе на имя Председателя Верховного суда СССР Джанхотов пишет, что с марта 1944 г. по 27 октября 1950 г. работал в колхозе. Вследствие того, что он болен туберкулезом, что подтверждается медицинским заключением, и климатические условия высокогорности отрицательно влияют на его здоровье, он обратился в правление колхоза с просьбой исключить его из членов колхоза. На общем собрании 27 октября 1950 г. он был исключен из колхоза, но уже 10 ноября 1950 г. Джанхотов устроился на работу в Буденновский Скотоимпорт, где и проработал вплоть до ареста 24 июля 1951 г. Джанхотов считает, что дело против него возбуждено по инициативе участкового уполномоченного, который имел с ним личные неприязненные отношения. Расследовав по жалобе Джанхотова это дело, Генеральная прокуратура Союза ССР вынесла протест Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР, в котором констатировала: «Учитывая, что Джанхотов был исключен из членов колхоза не за отказ от работы, а согласно его личному заявлению, и то, что после выбытия из колхоза он работал в пункте Скотоимпорт, считаю, что Джанхотов за уклонение от занятий общественно полезным трудом заключен в исправительно-трудовом лагере неправильно, а потому прошу: Постановление Особого совещания при МГБ СССР от 20 февраля 1952 г. по делу Джанхотова отменить и дело производством прекратить» [2].

Суды очень часто отказывались рассматривать подобные сфальсифицированные дела, и тогда следственные органы направляли их на рассмотрение в Особое совещание, где заседавшая там «тройка» почти всегда принимала требуемое следствием решение. К примеру, Управлением МГБ по Семипалатинской области 22 мая 1951 г. якобы за уклонение от общественно-полезного труда и ведение паразитического образа жизни был арестован и привлечен к уголовной ответственности уроженец с. Алхан-Юрт Чечено-Ингушской АССР Гигаев Абдулмуслим Магомедович. Он демобилизовался в 1944 г. из Советской армии по болезни и был направлен в г. Семипалатинск. Вначале работал трактористом, а с 1946 г. по январь 1951 г. трудился в вагонном депо слесарем по ремонту вагонного парка. Имел много поощрений за хорошую работу. В январе 1951 г. заболел туберкулезом легких и был госпитализирован. Пролежал в больнице больше месяца. По выздоровлении поступил на работу в Заготскот Семипалатинска трактористом. Но состояние здоровья ухудшилось, и Гигаев вынужден был уволиться с работы и продолжить лечиться амбулаторно. 22 мая 1951 г. он был арестован и обвинен по ст. 82 ч. 2 УК РСФСР – уклонение от общественно полезного труда. Следствие МГБ передало дело в Народный суд. Ознакомившись с делом, суд отказался его рассматривать, так как не нашел состава преступления в деяниях Гигаева. После этого дело было направлено в Особое совещание, которое назначило обвиняемому наказание – 8 лет заключения [3].

В 1948–1949 гг. принимается ряд нормативных актов, которые в значительной степени ужесточили административный режим в местах спецпоселений. 8 марта 1948 г. вышел приказ Министра внутренних дел СССР № 00246 «О задачах органов МВД по работе среди спецпоселенцев». Во всех местах расселения спецпереселенцев устанавливался строгий режим. Главы семей теперь должны были один раз в месяц являться на отметку в спецкомендатуру. За уклонение от явки следовало административное взыскание как за нарушение режима. Всем спецпереселенцам под расписку было объявлено, что за побег с мест поселения устанавливалась уголовная ответственность в виде лишения свободы сроком на 10 лет [4, с. 219–220].

26 ноября 1948 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег с мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны». Чеченцы и спецпереселенцы других национальностей, как утверждалось в указе, переселены «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». Указ предусматривал уголовное наказание за самовольный выезд из мест поселения в виде 20 лет каторжных работ для самих спецпереселенцев и 5 лет лишения свободы для лиц, помогавших им покинуть места поселения.

В результате согласно этому Указу было осуждено значительное число чеченцев, во многих случаях безосновательно, с опорой на какие-то формальные, несущественные моменты. Только за январь – февраль 1949 г. Особым совещанием при МВД за побег 489 человек было приговорено к 20 годам каторжных работ [5]. Так, например, 13 января 1949 г. Тельманским РО МВД Карагандинской области за побег с постоянного места поселения была арестована Тураева Айшат и 3 сентября 1949 г. Особым совещанием при МВД СССР осуждена за это деяние к 20 годам каторжных работ. Как выяснилось при прокурорской проверке этого дела, 22 февраля 1944 г. Тураева, проживавшая в с. Дочиборзе, пошла на рынок в с. Алхазур-Котар Урус-Мартановского района, где 23 февраля была задержана и выслана. С этого момента, как пишет ее брат Тураев Иса в жалобе на имя Председателя СМ СССР Г.М. Маленкова, их семья рассталась с ней. В 1948 г. им через адресный стол удалось разыскать место ее нахождения, и в начале 1949 г. она решила приехать к

ним, но по дороге была задержана и осуждена на 20 лет. Эта женщина была абсолютно неграмотна, русским языком не владела и являлась инвалидом – у нее не было правой руки. Из писем лиц, проживавших с Тураевой в Акмолинской области, ее брату стало известно, что она ходила по дворам жителей села и собирала милостыню, не имея близких родственников для ее содержания. После неоднократных обращений ее родственников в различные инстанции только 6 февраля 1954 г. Генеральная прокуратура СССР внесла протест на постановление Особого совещания по делу, признав, что ее осуждение было незаконным, так как А. Тураева не была, в соответствии с требованиями Указа от 26 ноября 1948 г., ознакомлена с этим документом. Но 5 беспроблемных лет несчастная женщина провела в Воркутинских лагерях [6].

Много было случаев, когда задерживались и предавались суду якобы за побег переселенцы, которые, выполняя свои производственные обязанности, оказывались на некотором расстоянии от места проживания, не имея никакого умысла к побегу. Если получалось вовремя обратиться в вышестоящие судебные и надзорные органы, удавалось найти справедливое решение и избежать осуждения на 20 лет каторжных работ.

12 июня 1951 г. был взят под стражу за якобы совершенный побег Басханов Ахмед Махмудович, проживавший в Джувалинском районе Джамбульской области. Суть дела заключалась в том, что он выехал от места жительства в Джувалинском районе до разъезда № 110 этого же района, находящегося на расстоянии 9 км. Целью выезда было устройство на работу по своей специальности в качестве дизелиста в строительную организацию. Получив согласие на прием, Басханов возвращался обратно, но по дороге домой был взят под стражу и обвинен в побеге. До этого он работал в заготконторе гонщиком скота и по условиям работы удалялся от места жительства на гораздо большие расстояния, и спецкомендатура не препятствовала этому. Здесь же, видимо, сыграли свою роль какие-то другие обстоятельства. Возможно, начальство не хотело отпускать хорошего работника, а Басханов настаивал на своем. Через несколько месяцев после ареста 3 сентября 1951 г. он пишет письмо Секретарю ЦК ВЛКСМ, в котором описывает свою трагедию. «Я начал свою трудовую деятельность с 14-летнего возраста. В 1949 г. за хорошую работу был направлен на учебу на годичные курсы механизаторов, которые успешно закончил. В 1950 г. как передовик производства был принят в ряды ВЛКСМ. ... Как член комсомола обращаюсь к Вам с просьбой вмешаться для уточнения справедливости» [7].

ЦК ВЛКСМ направил письмо арестованного комсомольца в Прокуратуру СССР с просьбой провести проверку законности ареста Басханова, и 24 ноября 1951 г. начальник отдела по спецделам Прокуратуры СССР А. Камочкин написал Прокурору Казахской ССР Л.А. Набатову: «Басханов А.М., 1933 года рождения, был привлечен к уголовной ответственности по Указу от 26 ноября 1948 г. за самовольный выезд с места поселения на ст. Бурнос Джувалинского района, на разъезд № 110 того же района. Из объяснения обвиняемого, подтвержденного всеми материалами дела, видно, что он выехал на разъезд № 110 не с целью побега с места обязательного поселения, а с целью поступления на работу по своей специальности тракториста. За указанное нарушение Басханов подлежит наказанию не в уголовном, а в административном порядке» [8].

В данном случае слишком ретивым провинциальным чиновникам не удалось сломать судьбу молодого человека. Но, к сожалению, таких фактов торжества справедливости в отношении спецпоселенцев было не так уж и много.

Ссылки:

1. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. М., 2008.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8131. Оп. 31. Д. 37905. Л. 2–28.
3. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 34804. Л. 1–2, 7–9.
4. Белковец Л.П. Указ. соч.
5. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 353.
6. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 41613. Л. 5–11.
7. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 30075. Л. 8.
8. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 29819. Л. 9.

References:

1. Belkovets, LP 2008, *Administrative and legal status of the Russian Germans in special settlements 1941-1955: Historical and legal research*, Moscow.
2. *State Archive of the Russian Federation (SARF)*, f. 8131, op. 31, d. 37905, l. 2-28.
3. SARF, f. 8131, op. 31, d. 34804, l. 1-2, 7-9.
4. Belkovets, LP 2008, *Administrative and legal status of the Russian Germans in special settlements 1941-1955: Historical and legal research*, Moscow.
5. SARF, f. r-9401, op. 2, d. 234, l. 353.
6. SARF, f. 8131, op. 31, d. 41613, l. 5-11.
7. SARF, f. 8131, op. 31, d. 30075, l. 8.
8. SARF, f. 8131, op. 31, d. 29819, l. 9.